

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 398.21(470)+929Богатырев

П. Г. БОГАТЫРЕВ – СОБИРАТЕЛЬ СКАЗОК (экспедиции 1915–1919 годов)

Е. А. Самоделова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва
E-mail: helsa@rambler.ru

В статье рассмотрены три из четырех экспедиционных периодов собирания сказок П. Г. Богатыревым (в Московской, Архангельской, Саратовской губ.); история первого из них прослежена на основе архивных материалов (экспедиционные записи, протоколы Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете, отзывы фольклористов) и публикаций Богатырева и других ученых.

Ключевые слова: П. Г. Богатырев, Р. О. Якобсон, Ю. М. Соколов, полевые записи сказок, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете.

P. G. Bogatyrev – a Fairy-tale Collector (Expeditions of 1914–1915)

Е. А. Samodelova

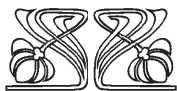
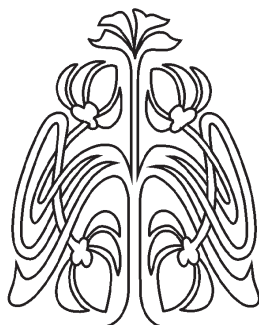
The article considers three of four expedition periods of collecting fairy-tales by P. G. Bogatyrev (in Moscow, Arkhangelsk, Saratov regions); the history of the first one is traced on the basis of the archive materials (expedition records, minutes of the Society of Natural Science, Anthropology, and Ethnography at the Imperial Moscow University, folklore specialists' reviews) and the publications of P. G. Bogatyrev and other scientists.

Key words: P. G. Bogatyrev, R. O. Jakobson, Yu. M. Sokolov, field records of the fairy-tales, Society of Natural Science, Anthropology, and Ethnography of the Imperial Moscow University.

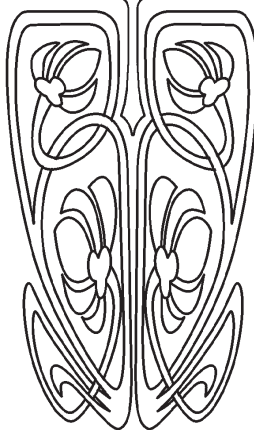
DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-3-256-261

К первому экспедиционному периоду (с приоритетом в собирании сказок) в научной деятельности известного слависта П. Г. Богатырева (1893–1971) относятся студенческие поездки в 1915 г. в Верейский уезд Московской губ. (в 1914–1915 гг. состоялось полевое изучение Серпуховского уезда). В 1916 г. Богатырев изучил фольклор в Шенкурском у. Архангельской губ. К 1915, 1917 и 1919 гг. относятся экспедиции в Саратовской губ. (пока предположительно).

3 апреля 1915 г. на заседании Комиссии по народной словесности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете (ОЛЕАЭ) в связи с приближающимся летом «были приблизительно намечены уезды, в которых прежде всего должно было производиться собирание, именно: Верейский (гг. Якобсон, Яковлев, Богатырев), Звенигородский (гг. Абрамовы), Дмитровский (гг. Соколовы), Серпуховской (г. Гордлевский), Можайский (г. Елеонская)»¹. Имеются в виду члены ОЛЕАЭ: Р. О. Якобсон, Н. Ф. Яковлев, П. Г. Богатырев, Б.С. и М. С. Абрамовы, Б.М. и Ю. М. Соколовы, В. А. Гордлевский и Е. Н. Елеонская, направлявшиеся в разные уезды Московской губ. Дмитровский, Коломенский и Бронницкий уу. уже были обследованы весной-летом 1914 г. экспедицией от ОЛЕАЭ и ее секретарем Е. Н. Елеонской. Заметим, что Серпуховской у. числился за В. А. Гордлевским, и все-таки П. Г. Богатырев продолжил экспедиционную работу в этом уезде, а также записывал фольклор в Верейском у. в компании с Р. О. Якобсоном и Н. Ф. Яковлевым.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Р. О. Якобсон в статье «О русском фольклоре» (1975) вспомнил об экспедиции в Верейский уезд в 1915 г., связав ее с начавшейся деятельностью только что организованного научного объединения: «В марте 1915 г. группа молодых студентов основала Московский Лингвистический кружок; нашей первоочередной задачей считалось исследование московского диалекта и фольклора. <...> Почти все организаторы кружка провели летние каникулы 1915 и 1916 гг. в лингвистических и фольклорных экспедициях. Исследование диалекта и устной традиции Верейского района Московской области <sic!> стали целью совместного исследования, проводившегося в мае и июне 1915 г. П. Г. Богатыревым, Н. Ф. Яковлевым и мной. Мы встретили замечательных рассказчиков и записали около двухсот сказок, вместе с большим количеством песен, примет, пословиц, загадок, верований, ритуалов и обычаев. Народная традиция в городском районе и по соседству с ним оказалась гораздо более устойчивой, жизнеспособной и продуктивной, чем это обычно принято думать»².

В статье «О русском фольклоре» (1975) Р. О. Якобсона упомянуты два населенных пункта Верейского уезда из числа тех, в которых проводилась экспедиция: это с. Новинское с окружающими деревнями и д. Смолинское. Из статьи известно приблизительное время проведения экспедиции – с конца мая 1915 г.

Р. О. Якобсон подметил механизм превращения экстраординарных современных событий Первой мировой войны в сюжеты фольклорных сказок: «Когда в конце мая втроем начали наш сбор этнологических материалов в селе Новинское, слухи о беспорядках в Москве и ограблениях преимущественно немецких магазинов распространялись в поразительно раздутой и искаженной форме. Посетители местных чайных соперничали друг с другом в рассказывании басен о русских генералах, закованных в цепи и проведенных через всю Москву на глазах всего народа за дачу галицинской крепости, и о городских облавах на немецких шпионов, пойманных во время составления тайных замеров и планов (*плантов*), отравления колодцев и распространения epidemий. Глубоко укоренившиеся сказочные клише были приспособлены к текущей ситуации»³.

28 августа 1915 г. на заседании Комиссии по народной словесности ОЛЕАЭ П. Г. Богатырев прочитал составленный им и Р. О. Якобсоном отчет (точнее, его треть) о поездке троицы собирателей в Верейский у. Отчет включал «краткий и весьма отчетливый очерк местности и населения», сообщение об «исторических рассказах» и был проиллюстрирован фольклорными повествовательными текстами; из сказочного материала заметным явлением стал «рассказ об Илье Муромце»⁴, т. е. богатырская сказка – прозаическое переложение былинного сюжета. В развернувшейся дискуссии Н. В. Васильев предположил

книжное влияние на занесение сюжета об Илье Муромце в Московский регион, но собиратели не согласились с данной конкретной гипотезой, однако подтвердили воздействие книг на народную поэзию в других случаях. В. В. Богданов указал, что «среди крестьян-рассказчиков есть такие, которые умеют составлять рассказы из разных прочитанных ими книг»⁵.

Ю. М. Соколов заинтересовался числом «сказок, имеющих отношение к крепостному праву», и узнал, что «их у собирателей оказалось 7–8, причем рассказчики передают их от своего лица, как случаи, с ними бывшие»⁶. Этот момент весьма примечателен: еще до Октябрьской революции 1917 г. ученого волновала тема крепостничества в фольклоре.

Далее Ю. М. Соколов привел мнение одного из современных ученых о том, что крестьяне в процессе рассказывания этнографам «многое присочиняют, как бы в насмешку над собирателями», и заметил, «что если бы действительно так было, то подобные присочинения интересны, как импровизация, и на них нужно обратить внимание»⁷.

На заседании 16 октября 1915 г. было продолжено 3-е, завершающее, слушание доклада П. Г. Богатырева и Р. О. Якобсона. При обсуждении тезисов выступления «Ю. М. Соколов присоединился к мнению докладчиков, что сказочная традиция в настоящее время еще не исчезла и что фабрика не всегда разрушает ее»⁸. Ю. М. Соколов предложил сравнить данные сказки со «сборником Н. Н. Дурново, который также записал в Моск. г. очень большое количество сказок»⁹. Имелись в виду полевые записи Н. Н. Дурново, сделанные в его родном селе Парфёнки Рузского у.

По вопросу об эволюции жанра Н. С. Трубецкой заметил, что, «вероятно, в настоящее время форма сказки все-таки стала иная», с чем не вполне согласился Р. О. Якобсон, а П. Г. Богатырев выдвинул воплощаемый собирателями текстологический принцип, согласно которому «особенно тщательно указывались индивидуальные черты сказителей, так как влияние рассказчиков на сказку не подлежит сомнению»¹⁰.

Ю. М. Соколов отметил, что в науке новым часто считается забытое старое, а Г. Г. Дингес конкретизировал, что «элемент фривольности, считающийся новым налетом, можно найти в значительной мере в средних веках, в литературе той эпохи»¹¹. Р. О. Якобсон дополнил эту мысль: «<...> собиратели не раз слушали от стариков, что теперь стали рассказывать приличнее»¹².

Р. О. Якобсон в 1975 г. отметил сохранность лишь наброска докладов об экспедиции в Верейский уезд: «<...> в ленинградских архивах Академии Наук остался только план моего и богатыревского доклада об этой экспедиции, сделанного на заседании вышеупомянутой комиссии в конце 1915 г.»¹³

В статье «О русском фольклоре» (1975) Р. О. Якобсон охарактеризовал поэтику записан-

ных ими с П. Г. Богатыревым сказок: «Смещение правды и фантазии, действительности и стереотипных вымыслов, мигрирующих в пространстве и времени, которое мы наблюдали в историях, рассказанных нам крестьянами о событиях исторического прошлого, имело поразительную аналогию со сплетнями тех же самых информантов, когда они обсуждали события дня, например, неудачи на германском фронте, глупые неурядицы в официальных кругах, приключения Распутина, который был втиснут в традиционный образ фольклорных сказок о жуликоватом слуге, обманывающем своего хозяина, или наконец о шедших в Москве уличных боях и их местных интерпретациях»¹⁴.

Заседание 12 декабря 1915 г. было посвящено полиграфическим проблемам: ассигнование Комиссии дало надежду на предстоящую публикацию материалов Московской губ. (в первую очередь – записей П. Г. Богатырева, Р. О. Якобсона и Н. Ф. Яковлева по Верейскому у. и Н. Н. Дурново по Рузскому у.); Р. О. Якобсон предложил дополнительно устроить складчину с обещанием возмещения денег из продажи издания. Тем не менее возникли определенные трудности: обширные записи Н. Н. Дурново, хранящиеся в большинстве своем в Историческом музее, выполнены диалектологически, нет средств для нанимания переписчиц и не хватает времени у самого собирателя; также необходимо выявить по архивам музеев и краеведческих обществ и свести воедино все прежние записи по Московской губ.¹⁵ Решено было расположить материал в составе сборника по уездам, предпослав фольклорным записям сведения по этнической колонизации обследованных местностей.

Попутно заметим, что Н. Н. Дурново был большим авторитетом для Богатырева, в том числе по диалектологической записи сказок, а со временем стал его другом. Находясь за границей, Богатырев в 1920-е гг. в переписке с Д. К. Зелениным регулярно передавал приветы от Н. Н. Дурново.

Р. О. Якобсон в 1975 г. утверждал, что успешные результаты их с Богатыревым и Н. Ф. Яковлевым экспедиции послужили побудительной причиной для издательского замысла: «Проект, представленный профессором Е. Н. Елеонской и принятый комиссией по фольклору, – о подготовке обширного издания сказов, собранных в различных районах Московской губернии – обязан своим появлением нашему Верейскому опыту»¹⁶. Заметим, что в статье 1975 г. Р. О. Якобсон уделил большое внимание описанию продуцирующих факторов и обстоятельств современности для образования новых сказок и сказов.

В работе «Славянская филология в России за годы войны и революции» (1923) П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон указали, что в 1921 г. в Этнографическом отделе ОЛЕАЭ «Богатырев и Яковлев ознакомили Комиссию по народной словесности с собранными материалами по верованиям крестьян Верейского у. Моск. г.»¹⁷. Судя по всему, на том

заседании рассматривалось сразу три вопроса: 1) Максимов сделал доклад «Об обряде опахивания»; 2) Б. М. Соколов прочел доклад о верованиях крестьян Ярославской губ.; 3) Богатырев и Н. Ф. Яковлев еще раз (после 1915 г.) обратились к материалам давней экспедиции в Верейский у. Московской губ.

Из протоколов ОЛЕАЭ (ГЛИМ) известно, что спустя 6 лет после заседания Комиссии по народной словесности ОЛЕАЭ в 1915 г., 18 октября 1921 г., секретарь Общества В. В. Богданов в связи с планированием субсидий Общества опять поднял вопрос о Московском сборнике, подготовленном П. Г. Богатыревым, Р. О. Якобсоном и Н. Ф. Яковлевым и насчитывающем 30 печатных листов¹⁸. Вероятно, именно об этом заседании упомянули в статье Богатырев и Якобсон. Несмотря на многолетние издательские усилия, этот грандиозный труд так и не был опубликован.

Р. О. Якобсон в 1975 г. выражал надежду на то, что фольклорные фиксации 1915 г. не пропали совсем и все-таки когда-нибудь отыщутся: «Многочисленные записи о нашей полевой работе и наши исследования собранных волшебных сказок и других повествований исчезли (я все еще надеюсь, что временно) <...>»¹⁹

Следующий этап собирательской деятельности П. Г. Богатырева наступил летом 1916 г., когда он «был командирован Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии и Московской диалектологической комиссией в Шенкурский у. Архангельской губ. для записывания произведений народной словесности и народных говоров»²⁰. Причина проведения летних каникул 1916 г. Богатыревым на Русском Севере выявляется из указанной Р. О. Якобсоном в статье 1975 г. еще одной задачи Московского Лингвистического кружка – «коллективное исследование стихов и языка былин, записанных, как утверждают, в XVIII в. Киршей Даниловым»²¹.

В Шенкурском у. П. Г. Богатырев провел целый месяц, начав с д. Ярагино и д. Одинцово и переезжая или переходя в другие деревни. В газетной статье «Воспоминания об Архангельской губернии собирателя произведений словесности»²² П. Г. Богатырев описывает трудности собирания фольклора, среди которых – недоверие местных жителей к заезжему филологу, боязнь столкнуться с «германцем» (ведь тогда шла Первая мировая война!) или даже с антихристом, опасение отправиться солдатами на фронт или оказаться в тюрьме за сообщение фольклорных сведений, непонимание крестьянами целей записывания устно-поэтических текстов и др.

Аналогичную историю поведал Р. О. Якобсон в докладе 1915 г.: о том, как он с П. Г. Богатыревым и Н. Ф. Яковлевым в Верейском у. также были приняты за троицу «немцев», говорящих по-немецки, имеющих фальшивые документы, носящих очки, колдующих и отравляющих колодцы пузырьками с ядами, спрятанными на груди или в

подмышках. Р. О. Якобсон в докладе 1915 г. и затем в статье 1975 г. трактовал такие народные слухи – «деревенский вестник» – как «радикальный пример возникновения, разветвления и смещения формульных ответов на животрепещущие темы», как образчик «коллективного творчества» на «избитую, обычную тему страшных историй, рассказывавшихся со все большими прикрасами»²³.

В числе поставленных П. Г. Богатыревым экспедиционных задач значился сбор сказок, о чем собиратель неоднократно сообщал в статье. Он изначально предполагал записывать сказки и пытался расположить сказочников к себе: «Зная по опыту, как трудно бывает заставить крестьян рассказать сказку или спеть песню, я уже на пароходе по дороге в Шенкурск старался завести знакомство с кем-либо из местных жителей, кто бы мог на месте помочь мне в работе»²⁴.

После демонстрации «открытого листа» от архангельского губернатора и свидетельства от ОЛЕАЭ Богатырев зафиксировал причеты от лучшей местной причетницы старухи Улиты и приступил к фиксации сказочных произведений: «Начинаю записывать сказки, но хозяйка зовет чай пить»²⁵.

Из воспоминаний П. Г. Богатырева видно, что севернорусские крестьяне полагали сказки (как и другие фольклорные произведения) исключительно достоянием своей сельской общины, своеобразным внутренним поэтическим продуктом, невозможным для перемещения в другую среду, в более широкие слои населения (в иные сословия и классы). Крестьяне боялись искажения старинных сказок, которые могут допустить при книгопечатании, театральных и цирковых постановках на сказочные темы. Одновременно с этим они страшились быть наказанными за сообщение сказок, иначе говоря – за распространение патриархального мировоззрения, за высказывание собственного мнения по житейским вопросам.

П. Г. Богатырев подробно описал, как он уговаривал старожиллов деревни рассказывать сказки, вызывая в них соревновательный азарт: «Многих же подолгу приходилось убеждать, что ни в сказке, ни в песне нет ничего дурного и за это ни в тюрьму не посадят, ни на войну не заберут. Некоторые на эти убеждения поддавались, другие нет. Лучше действовало другое средство. Прочтешь какую-нибудь сказку или песню, записанные от соседа, затронешь художественную струнку, артистическое самолюбие, – и одно пошло на лад. “Да она ни сулемы <бранное слово> не знает. Нашел какую песельницу. Вот давай я тебе расскажу”... Тут уж только успевай записывать»²⁶.

П. Г. Богатырев привел крестьянскую точку зрения, согласно которой народные сказки могут явиться неким художественным сырьем для писателя-плагиатора: «Один сказочник объяснил своей жене: “Разве из головы все выдумаешь, ведь книги вон какие толстые. А он походит по деревням, позаписывает, вот у него и много всяких романтов будет”»²⁷.

Машинопись собранных сказок и других произведений фольклора в Шенкурском уезде Архангельской губ. сохранилась в личном фонде Богатырева²⁸. Атрибутировать сказки помогают особенности фиксации севернорусского говора с яркими локальными диалектными чертами, а установлению их точной географической привязки способствуют имеющиеся топонимические меты, часть которых дана в упомянутой статье Богатырева «Воспоминания об Архангельской губернии собирателя произведений словесности» (1916): «д. Одинцово, Шеговары – старик Яков»; «Павел Евдокимов Лобанов, с. Тимонинское Пуйской вол. Шенкурского у.»; «Несмолокурный район. Велико-Николаевская область» (волость?, упоминается г. Шенкурск) и др.²⁹ На архивной папке указана география фольклорных записей Богатырева – Саратовская и Архангельская губ. и помечен период – 1919–1921 гг. Приведенная архивариусом хронологическая привязка экспедиции Богатырева в Архангельскую губ. ошибочна: должен быть 1916 г. Орфография машинописи дореволюционная (до реформы орфографии 1918 г.), свидетельствующая о подготовке полевых материалов к публикации (не состоялась).

В «Кратком отчете о диалектологических экскурсиях 1916 года» Московской диалектологической комиссии сказано: «П. Г. Богатырев ездил в Шенкурский у. Архангельской губ. Произведены наблюдения приблизительно в 25 деревнях. Записано более 200 рассказов и сказок <...>»³⁰

В статье «Славянская филология в России за годы войны и революции» (1923) П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон дважды указывали разные цели экспедиций 1914–1915 и 1916 гг., в которых было записано большое количество сказок. Сначала были приведены лингвистические задачи: «Диалектологические поездки Богатырева, Шергина и Яковлева имели задачей обследование северных говоров Вологодской группы в пределах Шенкурского у. Арханг<ельской> губ. и Яренского у. Волог<одской> губ.; Богатыревым, Буслаевым, Каном и Якобсоном был обследован ряд уездов Моск<овской> губ., причем имелось в виду преимущественно выяснение условий утраты средне-великорусскими говорами северно-великорусских черт, и усвоения новых – как южно-великорусских, так и специфически переходных»³¹.

Далее авторы – в разделе «Фольклор» – указали фольклористические цели поездки 1916 г.: «В том же году Богатырев и Шергин объездили Шенкурский уезд, Архангельской губ., и привезли оттуда около сотни сказок, песни, описание свадебных обрядов, духовные стихи, заговоры и т. п.»³² Это свидетельствует о том, что П. Г. Богатырев не единственный в 1916 г. обследовал земли Русского Севера, а действовал параллельно (или в паре?) с Б. В. Шергиным.

В статье П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон приветствовали изучение Центральной России и указывали, что оно предпринималось впервые

(вероятно, ограничивая понимание географического центра Российской империи Подмосковьем). Они писали: «В силу романтической традиции, направившей всю энергию собирателей на далекие медвежьи углы, получилось парадоксальное положение: такие губернии, как Олонецкая и Архангельская, оказались в этнографическом отношении куда более обследованы, чем Московская, где записи делались случайно, мимоходом. Ряд поездок, предпринятых в 1914–16 годах несколькими членами Комиссии по народной словесности в Верейский, Дмитровский, Серпуховский и Звенигородский уезды, доказал, что, несмотря на фабрики и отхожие промысла, в Московской губ. еще имеется живучая сказочная традиция, множество пережитков в области верований и своеобразная обрядовая, в частности свадебная, традиция. <...> Собранные сказки, песни, заговоры и сведения по верованиям, быту и материальной культуре (записи Богатырева, Якобсона и Яковлева) Комиссия по народной словесности постановила напечатать, как первый том материалов по этнографии Московской губ. В дальнейшем – предполагается издать обильные материалы Н. Н. Дурново по фольклору Рязского и Клинского уездов и записи Е. Н. Елеонской из Коломенского уезда»³³.

П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон рассмотрели с методологических позиций «Песни и сказки Белозерского края» братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых (1915), предъявляя новые требования к современному собирательскому процессу. Они указывали: «Современный собиратель стремится по мере сил осветить индивидуальность сказочника и охарактеризовать среду его слушателей и ее эстетические склонности»³⁴.

Авторы настаивали на возможно полном, можно сказать – комплексном полевом изучении репертуара сказочника, его личности и отношении к рассказываемым сказкам. Они требовали полноценной фиксации сказки и контекста ее бытования: «Повышается требование точной записи сказки. Собиратели стремятся не исказить ее художественного облика и по возможности записывать дословно не только сказку, но и вводные замечания слушателей»³⁵.

Богатырев и Якобсон выдвигали требование безотборочной фиксации всех жанровых разновидностей сказки: «Поднимается вопрос, в достаточной ли степени отвечают современным требованиям сказки Афанасьевского сборника. Мифологическая теория сказки не только на методе записи и издания сказок, но и на отборе сказок, достойных записи. Старый собиратель с известной долей пренебрежения относился к сказкам типа фаблю, к фривольным анекдотам, где он не находил следов древних верований. Для современного собирателя все виды устных рассказов являются равноценными, мало того, сказки типа фаблю представляют для него большой интерес, в силу своей исключительной живучести»³⁶.

История собирательства сказок, равно как и других фольклорных жанров, П. Г. Богатыревым в Саратовской губ. остается наиболее неотчетливым явлением в его научной деятельности. Имеющаяся в архиве Гослитмузея объемная папка с машинописью сказок пока не поддается точной атрибуции и может быть причислена к коллекции саратовского фольклора лишь по косвенным данным (по помете архивариуса, по дореволюционной орфографии, методом исключения из содержания прочих экспедиций раннего периода); экспедиционные рукописные подлинники на сегодня неизвестны.

Между тем сверка всех сказок, записанных П. Г. Богатыревым и хранящихся в российских архивах, со «Сравнительным указателем сюжетов»³⁷ восточнославянской сказки, присвоение сказочным сюжетам соответствующих номеров, выявление контаминаций, обнаружение вариантов и другая исследовательская работа (даже без точной атрибуции текстов) открыла бы перед российским сказковедением новые научные горизонты.

Примечания

- 1 Государственный литературный музей (г. Москва; ГЛМ). ФА. Инв. № 23. Ед. хр. 1. Л. 46.
- 2 Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996. С. 103.
- 3 Там же. С. 104.
- 4 ГЛМ. ФА. Инв. № 23. Ед. хр. 1. Л. 48.
- 5 Там же. Л. 49.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Там же. Л. 53 об.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Л. 54.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Якобсон Р. Указ. соч. С. 104.
- 14 Там же. С. 103.
- 15 См.: ГЛМ. ФА. Инв. № 23. Ед. хр. 1. Л. 58 об.
- 16 Якобсон Р. Указ. соч. С. 103.
- 17 Богатырев П., Якобсон Р. Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин, 1923. С. 58. (1-е изд.: Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Славянская филология в России за гг. 1914–1921 // Slavia. Roc. 1. 1922–1923. S. 170–184, 457–469, 626–634).
- 18 См.: ГЛМ. ФА. Инв. № 23. Ед. хр. 1. Л. 85.
- 19 Якобсон Р. Указ. соч. С. 103–104.
- 20 Якобсон Р. Указ. соч. С. 3; Богатырев П. Воспоминания об Архангельской губернии собирателя произведений словесности // Архангельск, 1916, 25 авг. С. 3 (то же – вырезка из газеты: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, науч. архив (г. Москва; ИЭА). Ф. ОЛЕАЭ. Д. 372).
- 21 Якобсон Р. Указ. соч. С. 103.
- 22 Богатырев П. Воспоминания об Архангельской губернии собирателя произведений словесности. С. 3.

- ²³ Якобсон Р. Указ. соч. С. 104, 105.
²⁴ Богатырев П. Воспоминания об Архангельской губернии собирателя произведений словесности. С. 3.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же.
²⁸ См.: ГЛМ. Ф. 329. Ед. хр. 1. № 1–35 ; Ф. 329. Ед. хр. 2. № 36–89. Л. 65–110. Д. б.: 1916 г.
²⁹ Богатырев П. Воспоминания об Архангельской губернии собирателя произведений словесности. С. 3.
³⁰ Краткий отчет о диалектологических экскурсиях

1916 года // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1919. Вып. 8. С. 35.

- ³¹ Богатырев П., Якобсон Р. Указ. соч. С. 34.
³² Там же.
³³ Там же.
³⁴ Там же. С. 49.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же.
³⁷ См.: Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

УДК 821.161.1.09-7+070(470)17691

ЖУРНАЛ В. В. ТУЗОВА «ПОДЕНЬШИНА»: ПОЭТИКА И ИДЕОЛОГИЯ

Л. А. Трахтенберг

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
E-mail: Lev_A_T@inbox.ru

В статье показано, что журнал «Поденьшина», выходящий в 1769 г., представляет интерес как в формальном, так и в содержательном отношении. Свообразие его структуры определяется единством сюжета, где центральный персонаж – вымышленный издатель журнала. Содержание «Поденьшины» характеризуется просветительской установкой.

Ключевые слова: русская литература XVIII в., сатирический журнал, поэтика, эпоха Просвещения.

V. V. Tuzov's Journal *Podenshchina* (Day Labour): Poetics and Ideology

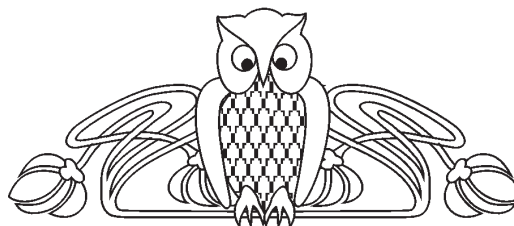
L. A. Trakhtenberg

The article shows that the journal *Podenshchina* (Day Labour) published in 1769 is of interest from both formal and information point of view. The peculiarity of its structure lies in the plot unity where the central character is an imaginary journal publisher. The content of *Podenshchina* magazine is characterized by its educational policy.

Key words: Russian literature of the XVIII century, satirical journal, poetics, Enlightenment.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-3-261-267

Сатирический журнал В. В. Тузова «Поденьшина» выходит в 1769 г. В истории русской литературы этот год отмечен исключительным событием: один за другим появляются восемь сатирических журналов, притом что этот тип издания, возникший в Англии на рубеже 1700–1710-х гг. и за прошедшие полвека завоевавший популярность в Западной Европе, ранее не был представлен в России ни одним образцом. Первым среди этих изданий становится «Всякая всячина». Этот журнал основан Екатериной II; факт ее участия в издании, возможно, известен современникам, но не обсуждается в печати. Далее следуют «И то и

сё», «Полезное с приятным», «Ни то ни сё», «Поденьшина», «Смесь», «Трутень», «Адская почта». Из них не все продолжают даже до конца года, лишь два – «Всякая всячина» и «Трутень» – выходят и в следующем году.

Среди этих журналов положение «Поденьшины» оказывается особым. Из всех восьми это единственное еженедельное издание, в то время как большинство журналов 1769 г. еженедельные, «Полезное с приятным» печатается вначале два раза в месяц, затем еженедельно, а «Адская почта» – ежемесячно. Издание «Поденьшины» продолжается лишь немногим более месяца, с 1 марта по 4 апреля (с перерывом в неделю от 1 до 8 марта¹, так как по примеру «Всякой всячины» на первой неделе Великого поста «Поденьшина» не выходит²); другие журналы держатся дольше. Несмотря на свою недолгую историю, этот журнал интересен – и в формальном, и в содержательном отношении; предложенные в нем художественные решения выдают оригинальность идеи и общественную значимость замысла.

Об авторе, В. В. Тузове, известно не много. Принадлежность журнала «Поденьшина» именно ему устанавливается на основе сообщения Н. И. Новикова в «Опыте исторического словаря о российских писателях»³. Новиков также указывает, что Тузову принадлежат две опубликованные оды (из них известна одна, на день рождения Екатерины II, напечатанная в том же 1769 г., что и журнал⁴), а также «довольно шуточных стихов и несколько песен»⁵, оставшихся неизданными. Кроме того, Тузов участвует в деятельности Собрания, старающегося о переводе иностранных книг: он переводит двадцать шесть статей из «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», посвященных исчислению времени. Они составляют книгу «Статьи о времени и разных счислениях оною, из Энциклопедии»⁶, изданную в 1771 г.